

Николай ШАТРОВ

СТИХИ ИЗ СОБРАНИЯ АЛЕКСЕЯ КИРИЛЛОВА

Публикация, подготовка текста, предисловие Владимира Орлова

Приходя в середине 1950-х годов на квартиру Галины Андреевой, знаменитую «мансарду окнами на запад», Николай Шатров¹ пытался объяснить хозяйке и другим собиравшимся там участникам группы Черткова, что стихи писать нужно ежедневно, и лучше – несколько в день. Сам он действительно старался следовать этому правилу и написал таким образом, по некоторым оценкам, не менее трех тысяч стихотворений. Опубликовано из них, если собрать все книги, подготовленные другом поэта Феликсом Гонеонским, и все журнальные публикации, менее трети. Поэтому обнаруженные недавно пять машинописных томов, подготовленных в 1983 году Алексеем Ивановичем Кирилловым (1931–2019), включающих, в общей сложности, около полутора тысяч стихотворений, являются несомненно ценной находкой, особенно если учесть, что пересечений с известными текстами в них не так уж много.

Алексей Кириллов долгие годы, до самой смерти поэта в 1977 году, был другом семьи Шатровых. При жизни он записывал авторское чтение на пленку – все известные записи восходят, как правило, к этому источнику; после смерти Шатрова пытался организовать издание наиболее «проходимых», с его точки зрения, стихов в каком-нибудь советском издательстве – ничего, конечно, не получилось. Тогда, видимо, и пришла мысль подготовить машинописное собрание сочинений.

Стихотворения первоначально были распределены Кирилловым по трем книгам (по трем «кругам», как это обозначено на титульных листах): «ежели первая книга отвечает более нормам высокого стиля, вторая – переходного, среднего, то третий сборник написан нередко с острым юмором и насыщен фразеологическими оборотами городского разговорного обихода, а подчас и фольклорного, что образует в единстве с лексико-тематическими элементами своеобразный “резкий” шатровский стиль»². К сожалению, именно третья книга, о которой столько сказано, при разборе материалов в квартире скончавшегося летом прошлого года Алексея Кириллова обнаружена не была. Зато были найдены два дополнительных, не упомянутых в процитированном послесловии тома, озаглавленных «Этюды» и «Черновики», а также «Избранное» из первых трех книг, включая пропавшую. Все они послужили основой для нынешней публикации. О какой-либо текстологической работе при этом говорить нельзя, поскольку из-за отсутствия автографов (за некоторыми исключениями) приходилось ориентироваться исключительно на текст, отпечатанный Кирилловым, который иногда вызывает вопросы.

Трудно сказать, почему Алексей Кириллов оставил попытки опубликовать наследие Николая Шатрова после 1991 года, когда это стало возможным. По словам близко знавших Кириллова людей, все это время он был очень загружен собственными проектами. Нам остается поблагодарить Алексея Ивановича за подвижнический труд и посвятить публикацию его памяти.

¹ Шатров Николай Владимирович (17.01.1929, Москва – 30.03.1977, Москва). Поэт, переводчик. Стихи писал с детства. Учился в Семипалатинском педагогическом институте. Работал литсотрудником в областной газете. Год (1950-1951) проучился в Литинституте. Также учился (заочно) в МГУ, но курса не кончил. Был сотрудником Музея им. Скрябина и Третьяковской галереи. Во второй половине 1950-х был близок к т.н. «группе Черткова». При жизни практически не публиковался.

² Цитата из послесловия Алексея Кириллова к «Избранному» Николая Шатрова, о котором см. далее.

В подборку дополнительно включены несколько отсутствующих у Кириллова стихотворений. Три – из машинописи, хранящейся в фонде Бориса Пастернака в РГАЛИ³: «Зимние страхи», «Баллада об Анны белье» и «Игорь Северянин»; также в редакции, обнаруженной в этом фонде, приводятся небылицы из поэмы «Всеобщая сказка» (у Кириллова они оформлены иначе, есть и расхождения по тексту). Еще два – из подборки, присланной Шатровым в письме Илье Сельвинскому⁴ в конце 1965 года: «Хватит тратиться на строки...» и «Оправданье Пушкина».

По шоссе шуршат машины.
При луне в груди теплей...
Чуть колышатся вершины
Серебристых тополей.

Кто тебя рукою чертит?
Бог еси на небеси.
«Отврати меня от смерти
И для жизни воскреси».

24 августа 1948

Вся осень

Осенний день устал от тишины
В предчувствии порхающего снега.
А вечером струится от луны
Какая-то разымчивая нега...

Но время ночью чуть замедлит бег
И тополь захлебнется листопадом
И умолкает, словно человек,
Которому сочувствия не надо.

10 сентября 1952

Зимние страхи

Скоро, скоро рассыпятся белые хлопья,
Полновластно и нагло нагрянет зима.
Тихо примет земля свою долю холопью,
Коль от собственной воли отвыкла она.

Разгуляется вьюга по снежной равнине,
Чей-то голос завоет, застонет в трубе.

³ РГАЛИ, ф. 379, оп. 5, е. х. 1041. Машинопись была передана Шатровым Пастернаку, по-видимому, лично (конверт отсутствует) в мае 1955 года, т. к. в ней отсутствуют более поздние датировки.

⁴ РГАЛИ, ф. 1160, оп. 1, е. х. 560 «Письма начинающих авторов Сельвинскому Илье Львовичу с просьбами прочитать и дать отзыв о произведениях. Фамилии корреспондентов на Ч – Ше».

Станет месяц над лесом пронзительно-синий
И подарит бессонные ночи тебе.

Будет жутко и сладко смотреть на поленья,
Чуть трещащие в пляшущем желтом огне,
И тогда ты услышишь шаги в отдаленье,
И тогда ты согласишься, наверное, мне.

Я давно говорил, кто-то ходит за стенкой,
Вот опять он ногтями царапает дверь...
Вот опять этот вздох, словно стон из застенка.
Я давно говорил... ты мне веришь теперь?

24 сентября 1952

Демоны

Они влетают по ночам,
Неосвязаемо крылаты,
Похожие на свист бича,
На неизбежную расплату.

И сразу в комнате моей
Заметно холодеет воздух.
И странно схож с шипеньем змей
Их тихий разговор о звездах.

И что-то мне сжимает грудь
Когда я голосам их внемлю,
И кто-то шепчет мне: забудь,
Забудь про гибнущую землю!

Я задыхаюсь и... молчу:
Боюсь, они меня задушат.
И как ненужную свечу
Мое сознание кто-то тушит.

1953

Телеграммы

Встречай в 6.40 гидроплан
Опустится в самом заливе

Не делай глупостей – был пьян
Письмо написано в порыве

29 августа 1953

Будни

Теперь мне нравится свобода
От телефонного звонка.
Читаю лишь журналы мод и...
И без ума от... «Огонька».

С безумцами не лезу в драку,
Порой гуляю допоздна,
И даже иногда собаку
Поглажу, если не грязна.

1954

Легионер

Я – иностранный легион,
К чему вам знать другое имя?
Там преступившие закон,
Здесь мы считались рядовыми.

Что привело меня в Судан?
Любовь, измена, поединок.
Позвольте спичку, капитан...
С тех пор я не люблю блондинок.

Потом тюрьма, Алжир, Тунис,
Жара, песок, самум пустыни.
И письма жалкие: «Вернись...»
Я получил их в Палестине.

Мы усмиряли племена,
Мы подавляли бунт в Марокко.
Зачем вам наши имена,
Зачеркнутые волей Рока?

То трое суток без воды,
То бой внезапный спозаранок,
Потом опять: сады, плоды,
Как груди грязных негрятенок.

Но смерть гиеной по пятам
За нами шла... Мы одичали.
Еще сигару, капитан?..
О чем я говорил в начале?

Камбоджа, Лаос... Сколько мест!
Мне встретилась одна мулатка,
Носившая на шее крест...
Простите, это лихорадка.

Она недорого брала
И грешницей была умелой.
Но, раздеваясь догола,
Снять крест ни разу не посмела.

Смешно, не правда ль? Анекдот
Не так уж глуп, коль разобраться.
Он выражает принцип тот,
Что вера выше ассигнаций.

А впрочем, каждому закон
Дан свой, и все друг другу звери.
Я – иностранный легион,
Я в принципы давно не верю.

5 марта 1954

Баллада об Анны белье

Я потерял и совесть и стыд,
И бешеный пес меня укусил,
Когда я увидел – вот стоит
Девушка, свободная, как такси.

У нее подведенные глаза
И ярко-красно покрашенный рот,
И мы легко столковались за
Сто сорок рублей у Красных ворот.

И она повела меня к себе в дом
И сказала: «Тише, соседи спят»,
Отпирая дверь французским ключом
И предположив, что я психопат.

Комната была узка, как гроб:
Только кровать и туалет.
Она первая разделась и шепнув «гоп»,
Прыгнула в постель и выключила свет.

И странно, пока мы с нею шли,
Мне очень хотелось тела ее,
А тут вспомнил я мою Аннабел Ли
И не мог оценить уже Анны белье...

Но чтоб человека не оскорбить,
Я был любезен, как только мог.
«Я всегда после этого хочу пить»,
Сказала она, сделав глоток.

О, таких искусных и острых ласк
Не видать нам от наших кур!

Да, она показала мне высший класс –
Сладострастия маникюр...

Даже кожа жглась ее, словно клей,
В котором сам грех сгущён...
И за все заплатил я сто сорок рублей
И сто сорок рублей еще...

И уйдя на рассвете к своей любви,
Я заснул на садовой скамье,
И во сне мне приснилась Аннабел Ли
В том кружевном белье.

7 февраля 1955

Деревенская красавица

Ты безотчетно улыбнулась,
Ты ничего не поняла,
Взмахнула косами: «А ну вас!»
И улыбнулась, и пошла...

Себя, быть может, недостойна,
Но, овладев собой вполне,
Неторопливо и спокойно, –
Уже забыла обо мне.

21 февраля 1955

Из поэмы «Всеобщая сказка»

Вторая небылица

И девочка Лиза вышла во двор
Чтобы увидеть, как падает снег.
Тот, что чистым остался к концу зимы,
Поднимается снова вверх.

Это можно увидеть, глядя в окно,
Только нужно уметь смотреть...
А если пять дней не ходить в кино,
Тогда наступает смерть.

Шестая небылица

По небу бежала тучка,
Похожая на щенка,
Видно – дошла до ручки,
Видно, что нищенка.

Доброе наше солнце
Вышло на лай ее.
Тучка, хлебнув бульонцу,
Сразу растаяла.

Седьмая небылица

Водородная бомба влюбилась в слона
И сказала ему: «Умоляю,
Сжался ты надо мною, тобой пленена,
И от страсти почти что пылаю.

Ты сильнее всех зверей, я сильнее всех людей,
Мы – прекрасная пара друг другу.
Стань моим и вселенною смело владей».
Слон подумал... и умер с испугу.

Восьмая небылица

А баба-яга не знала хлопот,
Жила себе припеваючи,
Из белых костей варила компот
И в шубке гуляла заячьей.

Иван-царевич был очень глуп,
Сощурил глазёнки-бусинки,
Да и бултыхнулся прямо в суп
Вкусненький для бабусеньки!

30 февраля 1955⁵

Игорь Северянин

Он – менестрель, и он – мистраль,
Какой-то странно-острый ветер,
Стрелой струны растливший даль,
Открывший Баха в оперетте.

Он терпкой критикой растерт –
Крутой желток живого солнца,
Космически комичный торт,
Нам опоззивший эстонца.

Его стихов самореклам
Святая наглость неподдельна,
И сознаешь, что это хлам,
И все же впечатленье цельно.

Чудесный тэтовский брильянт

⁵ Дата игровая; действие в поэме происходит именно 30 февраля (Прим. публикатора).

Мной самородком осиянен...
Почти поэт, почти талант, –
Великолепный Северянин!

5 апреля 1955

Сумасшедшая муха

Он увидел, что муха ест пепел
И понял, что она сумасшедшая...

15 июля 1955

Творчество

Устремленный в неземное,
Я не твой и я ничей.
Веют, веют надо мною
Крылья черные ночей.

Околдован тайным зовом
Слышу словно тихий вздох –
Снова в сумраке лиловом
На меня находит Бог.

Сладко тело онемело,
Всё слышнее голоса,
Кто-то ласково и смело
Закрывает мне глаза.

Чую губ прикосновенье,
Легкое касанье рук,
Вдохновенье, вдохновенье
Зажигает сердце вдруг.

Ничего уже не вижу,
Не дышу и не живу,
Знаю, ближе, ближе, ближе
Сновиденье наяву.

Закрепить его словами?
Тает дымом – только тронь!
Пламя, пламя, пламя, пламя,
С четырех сторон огонь.

Ах! И вмиг завеса спала.
Ночь. Один. И тишина.
Лишь в окно на одеяло
Светит полная луна.

3 октября 1955

Микробы

Мы размножаемся в крови
На корму подножном,
Фагоциты отравив
Ядом осторожно...

Жаром мы ворвемся в мозг
Всей ударной группой,
Чтобы тело стало – воск
Тающего трупа.

1956

Памяти Новалиса

Он протянул корону мне
Не опустив потухших глаз,
И в потаенной тишине
Звезда державная зажглась.

– Со мною царствуй! – он сказал,
Махнул рукою вверх и вниз,
И осветился темный зал,
И стены тихо разошлись...

18 ноября 1957

Зима 1957 г.

Развеселая-веселая зима!
Новоселами обжитые дома.

Новорожденных прорезавшийся крик,
Замерзающий на улице старик.

Развеселая-веселая зима!
Потихонечку сходящая с ума...

Уж опять в войну играет детвора
Посредине побелевшего двора.

Развеселая-веселая зима!
Скукой смертною объятая сама.

На уверенно запакощенный снег
Смотрят дерево, собака, человек.

Развеселая-веселая зима!
Я с тобою, наступающая тьма.

5 декабря 1957

Наш идеал

Искусственность всех чувств восславим,
Зальем духами Лорелей,
Дадим в любовники осла им,
Как заповедал Апулей.

Простите грубые манеры,
То – мрамор сорока веков...
На манекен возьмем Венеру
С заолимпийских облаков.

Охрипла старая погудка
На новый лад... а между тем
Не тривиальность и не шутка
Переиначенный Эдем.

Мы вне греха уже сегодня,
Кто этого не видит – слеп.
Всех идеалов благородней
Наш идеал – бесплатный хлеб.

6 декабря 1957

Ангел

Крылья были белые, большие,
Чуть пощипанные на пути
(Он летел на Запад из России –
Настоящий ангел во плоти).

Но его подбили за границей,
Там на красное наметан взгляд...
И не смог, бедняжка, сохраниться.
(В Англии не любят ангелят...)

10 января 1958

Не пошл Шопен...

Твое лицо, отлично вымытое,

Мелькнуло предо мной в толпе.
Не отступлюсь, все силы вымотаю, —
Но докажу, что пошел Шопен!

Что палиндром — отнюдь не истина,
А воплощенный произвол.
Что Пушкин — лес осенний лиственный,
В котором я — последний волк.

1958

По ассоциации

Птичка просится на волю,
Только клетка заперта.
... Головой об стену, что ли...
Нет! Не выйдет ни черта!

В голубом небесном поле
Ходит Вesper золотой...
Птичка просится на волю:
Люди! Я ведь молодой...

31 января 1958

Строчки для старичка

Хорошо на солнышке
Посидеть на камушке
И без задней мысли
Наблюдать как девушки
От речушки ведрышки
Прут на коромысле.

4 апреля 1958

Всё то же море, те же скалы,
И та же песенка моя:
Чтоб нас тоска не отыскала,
Уедем в теплые края...

Ты знаешь песенку другую.

1958

Ю. М.

Мы пили рислинг ледяной
И ни о чем не говорили.
Любовь промчалась стороной,
А дружба мирно спит в могиле.
Да кто из нас еще живой?

По-прежнему глаза твои
Смотрели на меня с улыбкой.
Хмель в тихо млеющей крови
Роднил нас, словно воздух зыбкий.
В сиренях длились соловьи.

1958

– А жил ты для чего? Ответь...
– Затем, чтоб жить... – Но это ведь
Не объяснение, а насмешка.
На месте белка в колесе
Несется вскачь. Орешки все
Со скорлупою вперемешку.

1958

Загадка

Уж сколько было обещаний
Земле со всех концов земли...
К услугам радиовещанья
Лишь ангелов не привлекли!

Мы слышали чертей и леших,
И Левитана божий глас...
Загадка, как это промеж их
Песнь ангелов не раздалась?

1958

В память о П. Потёмкине

На дворе разыгралась метель,
Ты стоишь, как живая, в витрине,
И одна, и одна только цель
Жжет мой мозг, словно солнце в пустыне.

Украду, украду манекен...
Положу на постель дорогую
И незримый, незримый никем,
Лакированный рот поцелую.

Только длится, всё длится показ...
Но последнюю тайну не выдам!
От бесчисленных масляных глаз
Ты блестяшь, полированный идол!

1958

Из письма

Еще проклюнулась звезда
На небе рано утомленном.
Оно прозрачно, как слюда,
И кажется почти зеленым.

А горы розовы совсем,
А море черное лилово,
А Крым... Но вдруг вам надоем?
И сам себя лишаю слова.

1958

Из опыта

Боже! Как скучна измена –
Это даже не разврат,
Но об этом откровенно
Никогда не говорят.

А случайно изменяя,
Так оправдывают грех:
«Ты иная, ты иная!
Не похожая на всех!»

Это попросту неверно –
Все похожи на одну,
И потом бывает скверно
Обнимать свою жену.

1958

Хочу, чтоб выпал винный снег...
С небес глотать его, пьянея!

Как трезвости, не знать вовек
Классификации Линнея.

Не пить – ловить открытым ртом
Всеобжигающие звезды!
Ходить с трудом из дома в дом,
Закусывая пьяный воздух.

В бутылку пальцем затолкать
Хмельные бешеные хлопья...
И до весны, до лета спать,
Покамест мак не станет опий.

17 октября 1960

Не сглазить бы себя, не сгладить
Противоречий круговерть...
Про смерть хотите? – Бога ради!
Поведаю вам и про смерть.

Про мокрую гнилую яму –
Дорогу к небу по прямой,
Про черный свет, про свет тот самый,
Который здесь считают тьмой.

6 ноября 1960

Пошли мне всемогущий рок
Малютку ростом метр сорок,
Чтоб я к ней прилепиться мог
И был любим без оговорок.

Чтоб на ладони у меня
Ее ступня стоять хотела,
Такая легкая ступня,
Такая легкая, как тело.

Я б на руках ее носил
По комнате и по знакомым,
Сам задохнувшийся, без сил,
Желаньем чувственным влекомый.

Нет, мы не вывели б детей,
Не стали б никогда браниться.
Рок, снизойди ко мне, злодей!
Согласен и на метр тридцать.

4 февраля 1961

Ничего нет чище моря,
Глубже неба, дальше дали,
Ваши слезы – не от горя,
Вы ни капли не страдали.

Это только самолюбье...
Первый гром, предтеча ливня.
В вашем плаче нету глуби,
Надо проще и надрывней.

А наступит время молний, –
Не покажете и виду
И научитесь безмолвной
Изливать свои обиды.

1961

Хватит тратить на строки.
Лучше платится на стройке.
Только я убитый Богом
И забочусь о немногом:

Хлеб и сахарный песок,
С неба – Музы голосок...
Вот и всё, что здесь мне надо.
Я простейшая монада.

Оправданье Пушкина

Был он разряжен и разряжён
В женское естество...
И не во зло возлежал возле жён:
В общем, ему везло.

Как проходил проходимец легко!
Легкий, как манекен.
Словно французских духов флакон
В некоем тайнике.

В прочем – легально! Легитимист
И роковой блондин,
По современному – оптимист,

Твистывал не один:

В праведной мести, вместе с ним –
Шеф. Жандарм. Бенкендорф
Действовал. Так сказать, запасным.
Действует до сих пор...

Пушкин голову потерял.
И головой его,
Словно футболом, играет бал –
Женское естество...

Как не естественно, Дон-Гуан,
Чернь накормить собой!
О Александр, о российский гранд,
Это не бой – убой!

Чернь, ты не червь, гробовой. – Профан.
Узкий специалист.
Думали – гроб, а огрѐб скафандр:
Умерший, исцелись!

Пушкин оказывается прав
Перед землей кругом,
Как летаргический космонавт
На корабле другом.

Старик

Ни на что не претендую,
Сам с собою говорю
И на деву молодую
Со вниманьем не смотрю.

Мне бы только шей тарелку,
К ним добавкой книгу съем...
Да в ногах постели грелку.
И спокойной ночи всем.

7 октября 1966

Подражание японскому

Возлюбленная, во сне
Мы грезимся той сосне.
Живем по календарю
И счастливы всем вполне.

Не надо нам никого,
Не надо нам ничего;

Я Бога благодарю,
Что мы – одно существо.

1968

Всё это кистью достохвальной...
Гумилёв

По телевизору сегодня
Был ретранслирован балет.
Так, словно, милостью Господней,
В рай неожиданный билет.

Показывали Баядеру,
Поставленную Петипа,
Чтоб даже потерявший веру
Узрел Божественные па.

Духовно техникой владея,
Сонм Ангельский торжествовал:
Не женщина – ее идея
Преображалась в идеал.

Движенье стало знаком смысла,
А красота жила в ногах,
В руках, на шее даром висла
И вызывала сладкий страх.

Всё это сделал хореограф
На сцене с помощью людей,
Где Бог оставил свой автограф –
Его соавтор-чудодей.

3 января 1969

Всё чуден северной России,
Где лес сплавляют по реке,
Созвучен призрачный Россини,
Как бы в стеклянном парике.

Мы благодарны иностранцам
За тонконогий менюэт.
Мы обучались польским танцам
На Глинке незабвенных лет.

Ты можешь акать или окать,

Происходить от образин.
Мне твой округлый русский локоть
Дороже всех чужих Розин.

Куда нам целоваться с флейтой!
Как балалайка угловат
Во сне лишь слышу голос чей-то
И чувствую, что виноват...

Что упускаю полпланеты,
Что так и не увидел свет,
Что в Лондоне Шатрова нету,
Что пропадает в Рим билет...

26 августа 1969

Каждый день уходит день,
Каждый миг исчезнет вмиг...
Тело сбрось и вновь надень.
Тут пропал, а там возник.

Где же там? – Не знаю, где...
Расплывается дымок...
Вилами да по воде
Написать бы лучше мог.

24 декабря 1969

Стихи как проза

Мастерство – ерунда, это все наживное
Вдохновенье – корявость – от Бога она.
Вот вы мне говорите: «Ничто под Луною
Не ново...» Холодная нынче весна.

Топим печку. Вот факт. Остальное не важно.
25-е мая, и пар изо рта...
...Из стихов можно сделать кораблик бумажный,
Или голубя, или вообще ни черта.

1970

Про всех забытых кто-нибудь напишет
И за смирение вознаградит.
А тот, кем полог ночи звездно вышит,

Их рубищу придаст достойный вид.

Убожества у Божества услышат.

3 мая 1971

Каждый вечер мир желает чуда,
Чтоб святым проснулся негодяй.
Только я им помогать не буду –
В самом деле, ну их к Богу в рай!

Надо мной не дует и не каплет,
Хоть кручусь, как белка, день-деньской...
Эх, остаться б Горькому на Капри,
Люди б жили на Тверской-Ямской!

Переименованиями улиц
Мы бы не поганили потом,
И ходили б прямо, не сутулясь,
Под своим невидимым крестом.

5 мая 1971

Хор холодных латышей
Из разваренной лапши –
Долетая до ушей,
Не доходит до души.

А картофельный народ,
Ощувив с лапшой родство,
И танцует, и поет
Неизвестно для чего.

23 мая 1971

Прикоснувшись ладонью
К плотно сжатым губам,
Мотыльку на огонь я
Устремиться не дам.

Рядом сад в полумраке,
Затаивший свой яд,
Там, где черные маки

Точно кобры, стоят.

И в бессоннице ночи,
В сокровенной тиши
Разрывается в клочья
План спасенья души.

6 сентября 1972

Романтика – II

Музыка играет во дворе,
С музыкой хоронят в Судаке.
Хорошо проснуться на заре,
Руку милой чувствуя в руке.

Мы еще живые – ты и я,
Может статься, вовсе не умрем.
Беззакатно Солнце бытия,
Если в Бога веровать вдвоем.

9 октября 1972

Юмореска

Ангел головою вниз
На трапедии повис.
Веселятся люди: чудо,
Не летает ангелок.

Вот стою: сдаю посуду.
А глаза – под потолок.

Сочиняю ли стихи?
Сам не понимаю –
Как срываюсь со строки,
Крылышки ломаю.

Об опилки животом
Шлёп! Но вы отметьте,
Грациозно как потом
Вдруг раскланялся... На том
(Не на этом) свете...

2 мая 1975